

КОРОТКО О НОВЫХ КНИГАХ

Economics in Russia: Studies in Intellectual History / Ed by V. Barnett and J. Zweynert. Ashgate, 2008.

«Кому может быть интересен ваш маргинальный Булгаков?» — однажды спросил уважаемый мною западный историк (речь шла о Сергее Николаевиче Булгакове). Недостаток внимания на Западе к российским экономистам вызывает естественное желание доказать «ученому соседу», что мы «не лыком шиты». Другая возможная реакция — поддаться нигилистическим настроениям и признать «ничтожество литературы русской» (заимствуя формулу у Пушкина). Любопытно, что у самого Булгакова встречаются элементы обеих позиций. Сожалея, что отношение Запада к русской мысли выражается правилом «*graeca sunt, non leguntur*» («они греки, не избранные»), он в основном игнорировал российских мыслителей в собственном лекционном курсе истории экономических учений.

Сегодня, когда нет недостатка в предсказаниях о грядущей смене парадигмы в экономической теории и политике (и призывах к такой смене), самое время для критического пересмотра вклада школ и направлений, которые традиционно считались периферийными в мировом контексте. При этом во многом заново может быть написана и российская глава. Определенные исследовательские усилия в этом направлении уже предпринимаются.

Следует всячески приветствовать тенденцию к интернационализации таких исследований. И здесь заметной вехой может стать вышедший в британском издательстве «Ashgate» том под заглавием «Экономическая наука в России: Очерки интеллектуальной истории». В книге представлены тексты, написанные двенадцатью известными специалистами в данной области из шести стран. Как поясняют соредакторы Винсент Барнетт (Великобритания) и Йоахим Цвайнерт (Германия), издание не претендует на охват всех периодов и фигур в истории российской экономической мысли, но приглашает заново обсудить «богатое наследие российского экономического мышления (в широком смысле слова)», дать ему взвешенную оценку. Речь идет о «богатом наследии» с точки зрения отчасти истории экономического анализа, отчасти — истории экономической мысли. Признавая это шumpетерианское различие, но не воспроизводя подход автора «Истории экономического анализа», создатели тома рассматривают весь агрегат экономических идей, накопленный в России за несколько столетий, и находят его заслуживающим внимания как историков, так и экономистов.

Землевладение, деньги и торговля — вот основные экономические темы, интересовавшие допетровскую Русь. Как показывает Д. Е. Расков (Санкт-Петербург), «при всех

своих самобытных чертах экономическая мысль московского периода вполне вписывалась в общеевропейскую модель экономической мысли своего времени, колеблясь между меркантилизмом и идеями средневековья. На практике преобладал меркантилизм, в то время как в литературе доминировал религиозный элемент» (с. 21).

Л. Д. Широкопад (Санкт-Петербург) останавливается на экономической мысли эпохи Просвещения, трактуемой исторически широко — от Петра I до Екатерины II. Автор последовательно концентрирует внимание на ярких фигурах Посошкова, Татищева, Ломоносова и Радищева, исследует либеральные веяния, связанные с научно-просветительской деятельностью Вольного экономического общества. Отмечается влияние на российскую экономическую мысль западных естественно-правовых учений и немецкого камерализма.

Глава, написанная А. А. Шептун (Москва), посвящена трем реформаторам российской кредитно-денежной системы: Сперанскому, Мордвинову и Бунге. Взгляды этих мыслителей и практиков в ряде пунктов перекликались с идеями их западных современников и коллег. Между тем в позиции российских реформаторов крайне причудливо сочетались элементы либерализма и апелляция к сильному государству, направляющему процесс модернизации.

И. Цвайнерт исследует конфликт между рационализмом и релятивизмом в российской экономической мысли в период между 1800 и 1861 гг. Этот конфликт, достигший пика накануне крестьянской реформы, имел прямое отношение к полемике между либералами (типа И. Вернадского) и славянофилами (типа Ю. Самарина). В то же время для таких экономистов, как Иван Бабст, это был и глубокий внутренний конфликт между собственной верой в либеральную экономическую политику и релятивистской методологической установкой.

Н. П. Макашева (Москва) обращается к фигурам Булгакова и Туган-Барановского, объединяя их общей темой поиска этических оснований экономической науки. Этот поиск привел обоих к социализму, но социализму персоналистскому, подчеркивающему свободу личности. Замечу, однако, что булгаковская критика «экономизма» (на которой также останавливается Макашева) может быть легко интерпретирована как выражение крайнего антирационализма, или «антиэкономики», если использовать термин У. Коулмена, написавшего о данном феномене книгу.

По иронии судьбы (или умыслению редакторов) следующая глава принадлежит именно Уильяму Коулмену и Анне Тайцлин (Австралия). Имя Чайнова, героя этой главы, достаточно хорошо известно в мире (авторы напоминают о «чаяновском буме» на Западе в 1960-е годы). Коулмен и Тайцлин характеризуют Чайнова как «классического представителя неонароднической оппозиции централизации». Исследуя логическую структуру «Теории крестьянского хозяйства», они обнаруживают здесь «очень старую джевонсианскую экономику» и некоторые серьезные аналитические изъяны.

Экономистам, эмигрировавшим из Советской России в США, посвящена глава, написанная В. Барнеттом. Российские эмигранты прибыли в Америку не без интеллектуального багажа и оказали трансформирующее воздействие на академическую среду за океаном (и при этом сами подверглись местным трансформирующим влияниям). Барнетт также отмечает, что российские и американские экономисты работали в 1920-е — 1930-е годы над темами, подчас близкими. Вышло так, что некоторые научные начинания, позднее запрещенные в Советском Союзе, выжили и получили развитие в Америке. Зато российская экономика, лишившись таких выдающихся теоретиков, как Маршак, Кузнец и Леонтьев, серьезно обеднела.

Тему эмиграции продолжает Суйти Кодзима (Япония), который сосредоточивает внимание на российских экономистах, оказавшихся в Западной Европе. Такие представители эмиграции, как Бруцкус и Прокопович, оказали влияние на развитие советологических исследований. Интересно, что в своих оценках перспектив советской экономики они серьезно разошлись, и эти две разные позиции стали основой альтернативных течений в советологии.

Любопытно, что следующая глава как раз представляет собой образец советологической литературы середины 1960-х годов. Майкл Кейзер (Великобритания) включил в книгу переработанную версию своей давней статьи, в которой рассматривалась полемика в Советском Союзе о законе стоимости. Автор характеризует эту дискуссию как движение «от Маркса к Маршаллу», которое началось в 1943 г., было задержано Сталиным в 1948 г., но продолжилось после его смерти.

Тему продолжает Пекка Сутела (Финляндия), воссоздающий хронику дискуссии о реформах в СССР, которая тянулась с 1953 по 1989 г., пока реформирование социализма не было снято с повестки дня, а реальностью не стал переход к рыночной экономике. Кому может быть интересна сегодня та далекая дискуссия? Конечно, ее обстоятельства проливают дополнительный свет на механизмы функционирования советской системы. Но с точки зрения развития экономического анализа ее результаты скромны. Удивительно, но после падения советского режима не всплыло никаких, прежде неизвестных в силу невозможности опубликования, серьезных экономических работ. «Впрочем, — резюмирует Сутела, — если не считать нескольких ярких исключений, СССР никогда не был силен инакомыслием» (с. 170).

Обращаясь к экономической мысли в нынешней России, А. П. Заостровцев (Санкт-Петербург) указывает на обозначившийся в ней националистический крен. Идея превосходства русской модели общества имеет давнюю историю, восходящую к концепции Третьего Рима. Эта архаика не характеризует современный российский экономический мейнстрим. Однако постсоветский национализм имеет приверженцев в академической среде.

Хорошо (хочется сказать: изящно) организованное «собрание пестрых глав» под редакцией Барнетта и Цвайнерта убедительно свидетельствует о разнообразии российского экономического мышления в плане и тематики, и инструментария. Свидетельствует оно и о существенном преобладании экономической мысли над экономическим анализом, и не только в ранние периоды истории... Вероятно, не все согласятся с авторами, что в силу указанного разнообразия невозможно говорить о когерентной «русской экономической школе», подобной «австрийской», «кембриджской» или «чикагской». Но бывают и эклектические школы.

Что дальше? Редакторы книги признаются, что им неведомы грядущие пути российской экономической мысли... Честное *ignotus*, одобрительно сказал бы Сергей Булгаков.

Ю. Г. Тулупенко, канд. экон. наук, доцент
кафедры теоретической экономики
Российского государственного
педагогического университета
им. А. И. Герцена